

Рудольф Штайнер

Антропософия и Христианство

**Из GA 155: Христос и человеческая душа. О смысле жизни.
Теософская мораль. Антропософия и христианство
Пер. с немецкого О. Погибин**

Норчепинг, 13 июля 1914 г.

Прежде всего прошу вас извинить меня за то, что я не имею возможности говорить с вами сегодня на языке вашей страны. Но мои друзья, члены нашего антропософского общества, среди которых в эти дни я смогу прочесть лекции по антропософии, высказали мнение, что в этом городе я могу говорить о духовной науке на немецком языке. Тему, которой посвящается сегодняшняя вечер, тоже предложили наши уважаемые члены, живущие в этом городе. Я буду говорить об отношении духовной науки или, если использовать другое название духовной науки, об отношении антропософии к христианству. При этом, конечно, необходимо предварительно сказать несколько слов о сути и значении духовной науки, о точке зрения, исходя из которой, я должен буду говорить.

Духовная наука, подразумеваемая здесь не стремится к основанию какой либо новой религии, новой религиозной секты или чего-то подобного. Духовная наука хочет и надеется взять на себя то, что в духовном отношении возложено на нашу современную культуру.

Три, четыре или пять столетий тому назад, когда на заре своего развития естественная наука вступила в культурную жизнь человечества, в ряде областей был достигнут определённый прогресс. Если же мы хотим добиться прогресса в какой-либо актуальной для нас области человеческой культуры в наше время, то мы должны сказать: То, чем стала для человечества, для жизни эта естественная наука в познании внешней природы, благодаря познанию законов внешней природы, тем же хотела бы стать духовная наука посредством познания законов нашей душевной и духовной жизни и благодаря применению этих законов в этической и социальной жизни, в самых разных областях

культуры; она хотела бы быть столь же важной для нашей современности и для ближайшего будущего. И хотя многие будут отрицать эту духовную науку, – а это неизбежное и вполне понятное явление, – она, рассматривая судьбу естествознания на восходе новой жизни духа, черпает из этого рассмотрения веру в своей истинности и действенность для культуры человечества. Так же и естествознание противостояло столетним, тысячелетним предрассудкам; но истина имеет также силы, которые, используя подходящие способы, всегда позволяют ей побеждать все противостоящие силы.

Итак, после того как сказано несколько слов об этой вере духоиспытателя в истину и в эффективность своей работы, сразу же следует остановиться на сути, на способе исследования, лежащего в основе духовной науки.

Поистине духовнонаучный образ мыслей всецело соответствует по духу естественнонаучному образу мыслей. Но так как эта духовная наука касается совсем другой области исследования, нежели естествознание, – т.е. не той области, которую можно воспринимать с помощью обычных органов чувств, то есть области внешней природы, – а области духа, то должно быть очевидно, что как раз естественнонаучный способ мышления там, где речь идет об исследовании области духовного, должен существенно видоизмениться, должен стать иным, нежели в сфере естествознания. Метод, способ исследования духовной науки всецело соответствует духу естествознания, так что всякий естественнонаучно образованный человек, воспринимающий без предубеждения сегодняшнее естествознание, может поставить себя на почву этой духовной науки; но всё же необходимо сказать, что до тех пор, пока естественнонаучные методы воспринимаются односторонне, как это сегодня происходит, против использования естественнонаучного образа мыслей в духовной жизни может возникать одно предубеждение за другим. Ведь естественнонаучное мышление, естественнонаучная логика применяется здесь к тому, что человеку ближе всего, хотя эта область труднее всего поддается исследованию; этот способ мышления применяется к самому существу человека. И человек должен исследовать в духовной науке самого себя, прибегая к единственному инструменту, имеющемуся в его распоряжении для такого исследования, а именно – к себе самому. Духовная наука исходит из того, что человек, становясь инструментом для исследования духовного мира, должен пережить метаморфозу в себе самом и проделать с собой нечто, дающее ему возможность заглядывать в духовный мир, чего в повседневной жизни он, конечно, не делает.

Позвольте мне исходить из сравнения, из естественно-научного сравнения, не для того, чтобы что-либо доказать, но чтобы просто показать, как духовнонаучный образ мышления целиком стоит на почве естественно-научного. Например, в природе мы встречаем воду. Рассматривая воду как внешний объект, мы видим сначала её свойства. Но приходит химик со своими методами разлагает воду на водород и

кислород. Так что же делает этот естествоиспытатель с водой? Как известно, вода не горит. Химик извлекает из воды водород – газ, который способен гореть. Путем простого наблюдения невозможно определить, что вода состоит из водорода и кислорода, которые имеет совсем другие свойства, нежели вода.

Так же и человек, встречая в жизни другого человека, – это как раз показывает духовная наука, – не может знать, каков внутренний мир этого человека*. И как химик-естествоиспытатель способен разложить воду на водород и кислород, так же и духоиспытатель, используя внутренний процесс, происходящий в глубине души, может различить в том, что предстает ему внешне как человек, внешне-телесные и духовно-душевные свойства. Прежде всего он заинтересован в исследовании, с точки зрения духовной науки, духовно-душевного отдельно от телесного. Нельзя познать истинную реальность духовно-душевного на основе внешне-телесного, как нельзя познать природу водорода, если не извлечь его из воды.

Сегодня очень часто случается, что когда говоришь о подобных вещах, немедленно поступают возражения: «Это ведь противоречит монизму, придерживаться которого безусловно необходимо». Однако монизм не может помешать химику разлагать воду на две части. Это не означает попытки опровергнуть монизм, если реально происходит, то, что может произойти, – как, например, когда с помощью методов духовного исследования духовно-душевное отделяется от физически-телесного. Только это не те методы, какие применяются в лабораториях, физических кабинетах и клиниках; они представляют из себя процессы, которые должны протекать в самой душе. Это не какие-то чудеса, а только усиление тех способностей, которыми мы уже обладаем в обычной жизни. Но человек должен бесконечно усилить их, если хочет стать духовным исследователем. И так как я не хочу произносить лишь общие слова, то сразу же приступаю к предметному рассмотрению.

Каждому известно то, что называют в человеческой душевной жизни способностью вспоминать – памятью. Каждый, конечно, знает, сколь многое зависит от памяти. Представьте себе, что мы пробудились утром, не имея ни малейшего понятия о том, кто мы и откуда. Мы лишились бы тогда всей своей человеческой сущности. Наша память обладает определенной внутренней цельностью, начиная с некоторого момента нашего детства, и она есть необходимая составляющая нашей человеческой жизни. Современные философы встают в тупик перед исследованиями памяти. Некоторые из них даже отходят от материалистически-монистического воззрения на память, обнаружив с помощью тщательного исследования, что хотя восприятия органов чувств (если вообще возможно так рассматривать душевную деятельность), внешним образом привязаны к телу, но нельзя сказать, что память вообще привязана к телу. Я только обращаю на это внимание. Даже французский философ Бергсон указал на этот

духовный характер памяти, а он уж точно не имеет никакого желания вникать в духовную науку.

Но как память, сила воспоминания проявляется в нашей жизни? Давно прошедшие события входят в нашу душу в виде образов. Хотя сами события принадлежат прошлому, душа таинственным образом извлекает их из глубин внутренней жизни. И то, что поднимается из душевных глубин, можно сравнить с первоначальным событием. В сравнении с образами, предлагаемыми нам восприятием органов чувств, воспоминания бледны. Но они связаны с целостностью душевной жизни. И мы не смогли бы ориентироваться в мире, если бы не имели памяти. В основе памяти лежит способность воспоминания, и благодаря этой способности душа может вызывать скрытое в глубинах памяти. Тут как раз и вступает в действие духовная наука. Не память как таковая – я прошу вас вникнуть в то, что я хочу сказать, – не память как таковая, но эта способность, поднимающая из глубин души духовное содержание, может быть увеличена, бесконечно усилена, так что в душевной жизни её можно будет использовать не только для подъёма из души пережитых событий, но и совсем иного. В основе духовно-исследовательских методов лежат не внешние методы, которые мы наблюдаем в лаборатории и то, что можно воспринимать внешними органами чувств, а интенсивные душевные процессы, которые может пережить каждый. Ценность этих интенсивных процессов в нашей жизни – в безграничном усилении внимательности или, другими словами, концентрации мысленной жизни.

Что же такое концентрация мысленной жизни?

Сегодня у меня есть всего час на то, чтобы изложить принципы того, о чём идёт речь. Более подробно об этом вы можете прочитать в моей книге «Как достигнуть познания высших миров» 2 и во второй части «Тайноведения» 3, эти книги есть и в переводе. Об этом говорится так же в книге «Порог духовного мира» 4. Но останавливаясь на принципах, я хочу изложить первые действия души, способствующие безграничному усилению того, что необходимо для человеческой жизни, – усилению внимательности. Внимательность должна безгранично усилиться, чтобы могло начаться духовное исследование.

Что обычно делает человек, вступая в соприкосновение с внешним миром? Он воспринимает вещи; он перерабатывает эти вещи с помощью мышления, связанного с головным мозгом. Затем он создаёт себе образ воспринятого. На этом, как правило, его деятельность прекращается. Там, где останавливается повседневное мышление, там начинаются методы духовной науки, основанные на концентрации мышления. Желающий стать духовным исследователем должен перехватить нить душевной жизни там, где она во внешней жизни обычно теряется.

Мы должны отдать предпочтение таким образам, которые мы сами выстраиваем в деталях и можем затем обзирать в нашем сознании. Здесь особенно подходят символические представления, которые нет нужды проверять на соответствие внешнему миру. Такие образы, вытекающие из духоведческой практики либо предложенные нам духовным исследователем, мы помещаем в центр всего сознания, так, что в течение длительного времени мы отвлекаем внимание души от всего внешнего и концентрируемся только на одном образе. В то время как обычно мы переходим от одного мысленного образа к другому, в этом случае мы собираем все силы своей души, концентрируем их на одном заранее выбранном образе и полностью предаемся этому образу. Наблюдая человека за таким занятием, мы видим, что он, по сути дела, совершает нечто, подобное сну (хотя фактически принципиально отличное от сна). Ибо, чтобы такая концентрация стала плодотворной, человек должен на самом деле стать подобным спящему.

Когда мы засыпаем, то в начале чувствуем, как успокаиваются в наших членах волевые силы, как вокруг нас наступают некие сумерки и как стихает деятельность чувств. Затем мы переходим в бессознательность. При концентрации, как во время сна, мы должны полностью освободиться от всех впечатлений внешнего мира. Глаз так же мало видит, как во сне; ухо так же мало слышит, как во сне, и так далее. Но затем вся душевная жизнь собирается и концентрируется на одном образе – в этом принципиальное отличие от сна. Это состояние можно было бы назвать осознанным сном, сном в полном сознании. В то время как во сне в душевной жизни расстилается тьма бессознательного, желающий стать духовным исследователем живёт усиленной душевной жизнью. Он напрягает все силы душевной жизни и обращает их на один образ. Смысл не в том, что мы созерцаем этот образ; он только даёт нам повод собрать наши душевные силы, сплотить их. Смысл именно в этом сплочении душевных сил. Ибо благодаря ему мы действительно постепенно достигаем того – за подробностями я снова должен отослать вас к моим книгам, – что вырываем душевно-духовное, находящееся в нас, из физически-телесного.

Охарактеризованное мной сейчас достигается не сразу. Большинству людей, даже если их не отвлекает повседневная жизнь, нужна многолетняя практика такой концентрации, ибо удержать её можно только несколько минут, самое большее – долю часа, но необходимо всё снова и снова повторять её, пока действительно не удастся так укрепить силы, которые обычно лишь дремлют в повседневной жизни (но всё же присутствуют в ней), чтобы они обретали активность в наших душах и освобождали духовно-душевное от физически-телесного.

Так как я не хотел бы говорить абстрактно, а хотел бы сообщить вам факты, то следует сразу же сказать, что если духовному исследователю удастся благодаря энергии и терпению, благодаря самоотверженности

в своих упражнениях действительно получить плоды этих упражнений, то тогда он достигает переживания, которое пока можно было бы назвать переживанием чисто внутреннего сознания. Одним словом, с определённого момента времени наполняется смыслом высказывание, которое до сих пор казалось бессмысленным: «Я знаю, что я вне своего тела; переживая свой внутренний мир, постигая своё внутреннее, я существую вне своего тела.»

Я хочу подробнее рассказать вам об этом переживании. Сначала ощущают, что сила мысли, которая обычно активна только в будничной жизни, действительно отделяется от тела. Поначалу переживание неопределённо, но всё же появляется оно так, что если его испытали, то природу его можно распознать. При возвращении в своё тело, погружаясь в физическую материю, в жизнь мозга, человек прежде всего чувствует как этот мозг оказывает сопротивление. Мы знаем, что мозг является инструментом повседневного мышления; но мы только что испытали себя снаружи его. Постепенно приходят к осмыслению слов: «Ты переживаешь себя в душевно-духовном». Переживают, как собственная голова до некоторой степени облачена в одежды своих мыслей. Узнают, что означает иметь душевно-духовное отдельно от внешней физически-телесной жизни. Сначала постигают сопротивление, оказываемое телесной жизнью. Затем знакомятся с самостоятельной жизнью вне тела. На самом деле это выглядит так, как если бы однажды водород воспринял себя вне воды. То же происходит с человеком, если он проделывает такие упражнения. И затем, если он настойчиво продолжает такие упражнения, наступает великий, значительный момент, который заключает в себе отправную точку для настоящего духовного исследования. Это момент, который глубоко потрясает и который оказывает сильнейшее влияние на всю жизнь. Этот момент может проявляться по-разному, но всё же я хочу охарактеризовать его типичные черты.

Если упражняться в течение определённого времени, если обращаться с собственной душой сообразно естественнонаучному образу мыслей, то наступает такой момент, – он может наступить либо в повседневной жизни, либо среди сна, – что, пробуждаясь уже знаешь: ты видишь это не во сне, ты переживаешь новую реальность. Можно пережить это таким образом, что, например, говоришь себе: «Что происходит вокруг меня? Я оказываюсь в как бы отделяющемся от меня окружении, как если бы моё тело разрушилось от подобного молнии натиска стихий, а я тем не менее, в противовес этому сохранился.» Человек учится осознанию того, что все духовные исследователи во все времена называли образным выражением: достигать врат смерти. При этом переживании человек познаёт в образной форме – не реально, как это бывает после смерти, а именно в образной форме, – что он представляет собой как душевно-духовный человек, когда он уже не использует своё тело в качестве инструмента для восприятия мира, когда он живёт только духовно-душевно.

Это потрясает, что ты со своей мыслительной силой оторвался от своего тела. И точно так же и другие силы могут быть оторваны от тела, так что душевная жизнь человека становится всё богаче, всё глубже.

Но одного этого упражнения, обозначенного как концентрация или бесконечное усиление внимательности, недостаточно. С помощью этого упражнения достигается следующее: с того момента, когда душа поднимается до переживания самой себя, появляются образы, которые можно назвать реальными имагинациями. Возникают картины, но такие, которые сильно отличаются от картин обычной памяти. Если в картинах обычной памяти содержится только пережитое снаружи, то эти картины поднимаются из сумеречных душевных глубин и не имеют ничего общего с тем, что можно пережить во внешнем чувственном мире. Все возражения, что можно якобы легко ошибиться и что поднимающееся тут из сумеречных душевных глубин могло быть лишь реминисценцией памяти, все эти возражения несостоятельны. Ибо духовный исследователь как раз учится действительно различать то, что может вызывать память, и то, что в корне отлично от всего, находящегося в памяти.

Конечно, когда заходит речь об этом моменте вступления в духовный мир, необходимо помнить следующее: для духовного исследования мало пригодны такие личности, которые страдают галлюцинациями, видениями или подобными болезненными душевными проявлениями и состояниями. Чем меньше человек склонен к тому, что является только реминисценцией дневной жизни, тем безопаснее, тем увереннее он продвигается вперёд в области духовного исследования. И значительная часть подготовки к духовному исследованию состоит в том, чтобы научиться точно отличать всё то, что только могло бы таким бессознательным и болезненным образом навязываться изнутри, от того, что может выступить благодаря духовно-научному воспитанию души как новый элемент, как духовная реальность.

Я хотел бы подчеркнуть коренное различие между видениями, подобными галлюцинациям, и тем, что созерцает духовный исследователь. Почему же так много людей верят, что они уже находятся в духовном мире, тогда как они имеют только галлюцинации и видения? Просто люди на самом деле так неохотно знакомятся с чем либо новым! Они так охотно придерживаются старого, в котором уже находятся. В галлюцинациях и видениях нам на встречу выступают болезненные душевные образы по сути дела подобно тому, как выступает нам навстречу внешняя действительность. Они тут присутствуют, они предстают перед нами. И мы в общем-то ничего при этом не делаем. Духовный исследователь по отношению к своему новому духовному элементу находится в ином положении. Я говорил о том, что духовный исследователь все силы своей души, в обычной жизни дремлющие, должен концентрировать и поднимать вверх. Но это требует напряжения душевной энергии, душевных сил не присутствующих во внешней жизни. А при вступлении в духовный мир

эти силы необходимо напрягать постоянно. При галлюцинациях и видениях, напротив, характерным является то, что человек остаётся пассивным, ему не нужно напрягаться. Если же мы хотя бы на одно мгновение становимся пассивными в отношении духовного мира, тотчас всё исчезает. Мы должны быть непрерывно деятельными, активными. Именно поэтому мы не можем обмануть себя, ибо ничто, исходящее из духовного мира, не может предстать перед нашими глазами подобно тому, как предстаёт перед нами видение или галлюцинация. Мы должны деятельно присутствовать повсюду, в каждой детали того, что выступает нам на встречу из духовного мира. Мы обязаны знать, как обстоит дело со всем, что мы здесь видим. Эта непрерывная деятельность необходима для настоящего духовного исследования. И только тогда мы вступаем в мир, коренным образом отличающийся от физически-чувственного. Мы вступаем в мир, где вокруг нас присутствуют духовные существа, духовные факты.

Но для этого необходимо пройти второй этап. Отделение души от тела происходит описанным выше образом. Прояснить второй этап можно вновь с помощью естественнонаучного сравнения. Когда мы отделяем водород, то сначала он существует в одиночестве, но потом вступает в соединение с другими веществами и становится чем-то совсем другим. То же самое должно совершаться с нашим духовно-душевым после отделения от тела. Это духовно-душевное должно соединиться с существами, отсутствующими в чувственном мире; именно благодаря этому оно и будет воспринимать их.

Первая ступень духовного исследования – это отделение душевно-духовного от физически телесного. Вторая ступень – соединение с существами, находящимися за пределами чувственного мира. Но как раз этого в наше время и не прощают; гораздо скорее прощают разговоры о «духе вообще». Сегодня уже существует много людей, которые испытывают внутреннюю потребность признать существование чего-то духовного. Они говорят о духе, скрывающемся за внешними событиями мира, и довольны, если могут быть пантеистами. Но для духовного исследования пантеизм представляет из себя нечто подобное тому, как если бы человеку, выводя его на природу, сказали: «Посмотри-ка, всё окружающее тебя здесь – это природа!», не говоря при этом: «Это деревья, это облака, это лилия, это роза», – а восклицая только «Это природа!» – этим ведь ничего не сказано. Необходимо детально, конкретно останавливаться на фактах. Сегодня люди вполне допускают разговоры о некоем духе, присутствующем во всём. Однако сегодня очень не любят, когда говорят о том, что дифференцированы не только природные процессы в растительном, животном и человеческом царствах, но что и при вступлении человека в духовный мир тоже идёт речь о конкретных деталях и фактах. Духовный исследователь обязан обращать внимание на то, что когда он вступает в духовный мир, то он вступает в мир реальных конкретных духовных существ и духовных процессов.

Нам будет необходимо ещё одно упражнение - в усилении чувства самоотрешённости**, самоотрешённости, которую человек испытывает и в обыденной жизни, а в особые возвышенные моменты - как религиозное служение. Но это чувство необходимо усиливать бесконечно, чтобы человек смог самозабвенно покоиться в потоке космических событий, как он это делает во сне. Как во сне он забывает любое возбуждение собственного тела, так же должен он забывать всякое возбуждение собственного тела в созерцании и медитации.

Это второе упражнение необходимо чередовать с первым. Упражняющийся совершенно забывает о своём теле не только в мыслях, но также в состоянии погасить движения чувств и воли, как и во сне погашается любая подвижность тела. Но этого состояния необходимо достигать осознанно. Добавляя это упражнение в самоотрешённости к первому упражнению, человек действительно встраивается в духовный мир с помощью пробуждающихся духовных органов чувств так же, как он вживается в мир чувственности, окружающий нас, посредством внешних чувств.

Тогда перед человеком возникает новый мир, мир, в котором он всегда присутствует своим духовно-душевым. Внутреннему зрению человека открывается реальность, - реальность, которая сегодня всё ещё отвергается предрассудками нашего времени, но которая в такой же степени является результатом строгого научного исследования, как и эволюционное учение нового времени. Я имею в виду тот факт, что человек знакомится со своим душевно-духовным сущностным зерном, знакомится с ним так, что познаёт: «Ещё до зачатия и рождения, прежде чем я вступил в эту жизнь, облачившую меня в это тело, я был в духовно-душевной форме в духовном царстве. Когда я пройду через врата смерти, моё тело отпадёт, но то, с чем я теперь познакомился как с душевно-духовным сущностным зерном, которое может жить вне тела, пройдёт через врата смерти. После того, как оно пройдёт врата смерти, оно будет жить в духовном мире.» Другими словами, люди уже в этой жизни, между рождением и смертью, познают бессмертную душу, осознают то, о чём известно, что оно не зависит от тела, знакомятся с миром, в который человеческая душа вступает после смерти. Однако с этим духовно-душевым сущностным зерном человека знакомятся таким образом, что это может быть описано с научной чёткостью.

Когда мы созерцаем растение - как развивается семя, как возникают листья и цветы, как образуется плод, из которого потом снова возникает семя, - тогда мы обнаруживаем, что в этом семени жизнь данного растения достигает высшей точки. Наблюдая опадание цветов и листьев, видят, что остаётся семя, несущее в себе новое растение. Таким образом замечают, что в этом растении, которое мы видим перед собой, живёт зерно нового растения. Когда же мы наблюдаем жизнь между рождением и смертью, мы учимся познавать, что в духовно-душевно-душевном развивается то, что проходит сквозь врата смерти, но что является зерном новой жизни. Как зародыш растения имеет задаток

стать новым растением, так и душевно-духовное, скрывающееся в обыденной жизни, но обнаруживаемое духовной наукой, несёт в себе задаток нового человека. И благодаря такому рассмотрению, в полном соответствии с естественнонаучным способом мышления люди приходят к выводу о повторяемости земных жизней; знают, что вся человеческая жизнь состоит из жизни между рождением и смертью и из жизни, протекающей между смертью и новым рождением, из которой человек затем опять вступает в новую земную жизнь.

Единственным возражением против только что сказанного является вероятность гибели зерна при отсутствии условий, вызывающих его к новой жизни. Для духовной науки это возражение снимается тем, что возможность гибели зерна обусловлена его зависимостью от внешнего мира. Но в духовном мире, где для новой земной жизни созревает душевное сущностное зерно человека, нет никаких препятствий для того, чтобы душевное зерно, созревающее в земной жизни, снова появилось в другой земной жизни. Я могу лишь бегло, в нескольких словах, показать, как духовный исследователь, придерживаясь естественнонаучного способа исследования, приходит к представлению о повторяемости земных жизней.

Духовную науку упрекали в буддизме, так как она говорит о повторяемости земных жизней. Так вот то, что говорит духовная наука, она получает вовсе не от буддизма, оно всецело стоит на почве современного естествознания. Но это современное естествознание она распространяет на духовную жизнь. И не её вина, что она, никак не принимая во внимание буддизм, приходит к воззрению о повторяемости земных жизней. Она не имеет никакого отношения к тому, что в древнейшие времена, исходя из древних традиций, буддизм тоже говорил о повторении земных жизней.

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на то, что Лессинг 5, исходя из своего зрелого многоопытного мышления, пришёл к идее повторения земных жизней. В конце своей плодотворной жизни Лессинг написал труд о воспитании человеческого рода, где защищал это учение. Он говорит примерно следующее: «Нужно ли отвергать это учение лишь потому, что оно выступило на ранней заре человечества, когда его ещё не затуманивали никакие предрассудки всякого рода школ и направлений?» Если Лессинг мало смутился тем, что учение о повторении жизней выступило на заре человечества, но позже было отеснено на задний план из-за различных предубеждений, то и духовной науке не следует пугаться этого учения только из-за того, что оно уже существует в буддизме. Обвинять духовную науку на этом основании в буддизме – совершенно несостоятельно.

Духовная наука из своих собственных источников исповедует учение о повторяемости земных жизней; она указывает человеку на то, что он на Земле находится во взаимосвязи со всей жизнью человечества на

протяжении всей его истории. Ибо души, живущие в нас, уже были тут не раз и ещё будут тут неоднократно. Мы смотрим на древние культурные эпохи, например, на времена, когда человек взирал на пирамиды. Мы знаем, что наши души уже тогда жили и они снова появятся в будущем: они принимают участие во всех эпохах человечества.

Вполне понятно, что в наши дни предубеждения людей обращаются против такого учения. Есть люди, объясняющие всё так, как им хочется. Известно, что Лессинг был великий человек. Но есть люди, которым не нравится, что он пришел к идее повторяемости земных жизней на вершине своей мудрости, и поэтому они говорят: «Ну конечно, Лессинг в старости ослаб умом!» Думать так людям удобнее, чем признать: «Человек связан со всеми прошлыми и настоящими цивилизациями Земли».

Так каким же образом духовная наука предполагает внести эти знания в современную культуру? Точно так же, как и современное естествознание представляет свои открытия. Однако, выступая теперь таким образом перед человечеством, эта духовная наука подвергается таким же нападкам, каким подвергался новый естественнонаучный образ мыслей. Вспомним только Коперника, Галилея и Джордано Бруно. То же самое было тогда, когда Коперник выступил с воззрениями о том, что Земля не является неподвижной, а вращается вокруг Солнца, что в действительности Солнце неподвижно по отношению к Земле. Что же тогда подумали? Подумали, что религия находится в опасности и что в следствие такого прогресса в познании религиозное благочестие человека подвергается опасности.

Некоторые церковные конфессии только лишь в XIX веке были вынуждены исключить учение Коперника из Индекса и признать его частью своего мировоззрения. Духовный прогресс должен в любое время сражаться против старых предрассудков. Новая духовная наука вступит в культуру человечества так же, как когда-то вступило в культуру человечества новое естественнонаучное знание. Духовная наука подчеркивает тот факт, что дух можно познавать, и что человечество созрело для овладения этим знанием, так же как во времена Коперника, Галилея и Джордано Бруно человечество осознало необходимость нового познания природы, поскольку тогда человечество уже созрело для этого.

В те времена даже христианского каноника Николая Коперника обвинили в том, что он не христианин. И теперь духовную науку можно с легкостью обвинить в том, что она якобы не христианская. Слыша такое обвинение, я всегда вспоминаю одного священника, который, вступив в должность ректора университета, читал лекцию о Галилее и сказал: «В то время, когда люди выступили против Коперника, среди них были сильны религиозные предрассудки. Но тот, кто действительно

религиозен, знает, что величие и свет божества не уменьшаются от того, что познание проникает в тайны Вселенной; он знает, что расширив своё познание за пределы чувственно воспринимаемого, вычислив звёздные орбиты, исследовав свойства созвездий, человек только возвышает представление о Боге.»

Истинно религиозная душа в состоянии осознать, что религия лишь выиграет от того, что углубляется наукой. Духовная наука не стремится быть новой религиозной конфессией и не хочет порождать ни пророков, ни основателей религии. Время основания религий, время пророков миновало. Человечество созрело. И людей, пожелавших в будущем прийти к человечеству с пророческой миссией, ждёт совсем иная судьба, нежели древних пророков. Древние пророки были по праву почитаемы в соответствии с особенностями своего времени как выдающиеся люди. Пророки современности, пожелавшие быть таковыми в древнем смысле, испытают иную судьбу: они будут высмеяны! Духовной науке не нужны пророки, ибо духовная наука в силу всей своей природы основывается на том, что высказываемое ею принадлежит глубинам человеческой души, тем глубинам, которые однако, человеческая душа не всегда может осветить. И духоиспытатель хочет просто исследовать в своей области, как обыкновенный учёный, привлекая внимание к жизненно важным темам. Духовный исследователь говорит: «Я нашёл это; если ты будешь искать, то найдёшь то же самое!» И всё ближе и ближе времена, когда духоиспытателя признают простым исследователем, так же как теперь признают химика, биолога исследователями в своей области; разница лишь в том, что духовный исследователь работает в области, которая близка каждой человеческой душе.

Сегодня я смог лишь коротко обрисовать как происходит исследование в этой области. Но если вы глубже изучите этот предмет, то увидите, что это исследование касается важнейших для человеческой души вопросов: о человечестве и о судьбе, – вопросов, которые могут глубоко волновать людей ежедневно, ежечасно, вопросов, подвигающих человеческую душу на то, чтобы работать. А так как объекты духовного исследования связаны с глубинами человеческой души, то ему свойственно захватывать человека, соединяться с его глубочайшим внутренним, углубляя и усиливая его религиозное чувство.

Духовная наука не хочет заменить христианство, она хочет быть инструментом для постижения христианства. Так, с помощью духовной науки нам становится ясно, что Существо, называемое нами Христом, должно быть поставлено в центр всего земного бытия и что вероисповедание, называемое нами христианским, является последней религией, вечной религией для будущего Земли. Духовная наука показывает нам, в частности, что дохристианские религии перерастают свою односторонность и вливаются в религию христианства. Духовная наука не хочет заменить христианство чем-либо другим, а хочет только помочь понять христианство глубже и сердечнее.

Можно ли сказать, что Коперник, разрабатывая новую астрономическую систему мироздания в своей тихой комнатке, хотел переделать природу? Сказать такое было бы безумием. Природа осталась такой, как и была, но люди научились мыслить о природе, как то подобало новой культуре. Свою книгу, написанную о христианстве много лет тому назад, я позволил себе назвать «Христианство, как мистический факт»⁸. Тот, кто привык задумываться о вещах, которые он передаёт миру, не без сомнения выбирает такое название. Почему же я выбрал такой заголовок? Как раз для того, чтобы показать, что христианство не просто учение, которое можно понимать так или иначе, но что оно вступило в мир как факт, который можно понять только духовно. Как верно то, что природа через Коперника не стала иной, так же верно, что истина христианства не меняется из-за того, что духовная наука превращается в инструмент для более полного понимания этой истины чем это было возможно в минувшие времена.

Разрешите мне отметить только один момент из духовно-научного исследования христианства. Хотя я уже превысил время, отведенное мне, я прошу вас позволить мне указать ещё на один конкретный пункт христианского духовного исследования.

Если взглядом духовного исследователя проследить древние, дохристианские культуры, то обнаруживается, что эти дохристианские культуры повсюду имели так называемые мистерии, места, о которых можно сказать, что они были одновременно центрами религии, искусства и науки. В те древние времена внешняя культура была устроена так, что человек никогда не проникал в духовный мир таким образом, как это я изобразил, то есть тогда внешняя культура совершенно не позволяла проникать в духовный мир с помощью духовно-научных методов, однако отдельные люди могли быть приняты в мистерии. Это были ученики, которых называли также посвященными. Их проводили к развитию свободной от тела душевной жизни. Чего же они достигали благодаря этой свободной от тела душевной жизни? Они достигали возможности переживания духовного мира и центрального момента истории земного человечества, события Христа. Внешняя наука слишком мало внимания уделяет тому, кем становились посвящённые, а можно было бы показать это на многих примерах. Позвольте мне упомянуть только одно симптоматическое высказывание отца Церкви Августина⁹. Он сказал: «Христиане существуют не только с тех пор, как Христос появился на Земле, христиане были и прежде!» Подобные высказывания сегодня вызывают обвинения в ереси; и это мнение принадлежит самому Августину. Почему этот христианский учитель сказал такие слова? К некоторому осознанию того, почему он это сказал, приходишь, читая, например Платона, как он ценил мистерии, как он говорил о значении мистерий для всего сущего и жизни человечества. Платон оставил нам высказывание¹⁰, которое может показаться жестким: как в трясине живут души людей, пока они не посвящены в священные мистерии. Он

сказал это, потому что был убеждён, что человеческая душа действительно по своей сути является духовно-душевной, но что только тот, кто извлёк свою душу из физического тела, благодаря мистериям видит духовный мир. Тот, кто не проник в мистерии, кажется Платону человеком, лишенным своего истинного существа. И самое главное: в древние эпохи путь через мистерии был единственным путём для проникновения в духовное из физически-чувственного.

Но сегодня всё обстоит уже не так. Связь человеческой души с духовным миром испытала значительное изменение по сравнению с дохристианскими временами. То, что я рассказал вам сегодня и что каждая душа может проделать с собой для своего вступления в духовный мир, стало возможно в мире только с момента основания христианства. Только с этого времени каждая душа, применяющая то, что я представил сегодня и что содержится в названных книгах, может через самовоспитание подняться в духовный мир. До основания христианства люди нуждались в мистериях, нуждались в авторитетных наставлениях учителей. В древние эпохи самопосвящения не было. И если духовную науку спросят: «На чём основывается это коренное изменение?» – тогда она ответит, исходя из своих исследований: «Это изменение стало возможно благодаря Мистерии Голгофы». Благодаря основанию христианства человечество предстало перед реальностью, которая может быть изучена только духовно. Христа, которого прежде можно было найти только в сфере духа, когда человек при помощи мистерий покидал тело, после основания христианства каждая человеческая душа может найти посредством собственных усилий. То, что просачивалось в человеческие души посредством мистерий, это со времени Мистерии Голгофы стало достоянием каждой человеческой души.

Как это понять? Тех, о ком известно, что они пришли через мистерии: Гераклита, Платона, – отцы Церкви называют «христианами», потому что они с помощью мистерий видели духовный мир. Духовная наука показывает нам, что в то время, как Иисус жил так, как вы можете прочесть об этом в Евангелиях, в его жизни наступил момент – крещение в Иордане, – когда Иисус преобразился. Существо (Христос), не бывшее в Нем раньше, вступило в Него и жило в Нем в течение трёх лет. Это Существо, которое таким образом вошло в Него, проходит через Мистерию Голгофы (прим.: Мистерия Голгофы включает в себя события Распятия и Воскресения). Здесь сейчас не время детально описывать Мистерию Голгофы. Но духовная наука со своей вполне научной точки зрения подтверждает сказанное в Евангелиях. Благодаря происшедшему на Голгофе Существо, которое прежде можно было достичь только в духовных высотах, соединилось с земным человечеством. С того времени, как Христос прошёл через смерть на Голгофе, Он живёт во всех человеческих душах. Он – источник силы, благодаря которой каждая душа может найти путь в духовный мир. Человеческий род на Земле благодаря Мистерии Голгофы стал другим в отношении своей души. Христос, как Он сам говорит, пришел «свыше», но Он вступил в человеческий мир на Земле.

Духовную науку упрекают за утверждение, что Иисус будто бы не всегда был Христом, а только на тридцатом году Иисуса началась на Земле жизнь Христа. Легкомыслие и поверхностность, порождённые предубеждениями людей, выступают против духовной науки; констатация факта сталкивается с предвзятым мнением. И так почти во всём, что говорят оппоненты о позиции духовной науки по отношению к христианству.

Не должны ли мы сказать: «Только на третьем году жизни человек начинает помнить себя»? Но разве следует сделать из этого вывод, будто того, что позже появилось в человеке, в нём раньше не было? Когда говорят о вступлении Христа в Иисуса, отрицают ли, что Христос был соединён с Иисусом начиная с рождения? Как не отрицается это, так не отрицается и то, что в ребёнке есть душа ещё до того, как она, эта душа, так сказать, пробуждается в нём в течение третьего года жизни. Понимающий то, что говорит духовная наука, уже не будет её противником.

Далее, духовную науку обвиняют в том, что она делает Христа космическим Существом. Но она лишь выводит взгляд земного человека за пределы чисто земных физических вопросов в дали Вселенной, чтобы он и духовно охватил своим знанием Вселенную так, как Коперник своим знанием охватил внешний мир. Потребность духовной науки включить в это своё знание то, что для неё является самым святым, отвечает и религиозному чувству, и одновременно глубокому научному чувству. До Коперника люди судили о движении во Вселенной по тому, что видели; потом они научились судить независимо от чувственного мира. Какое преступление в том, что духовная наука сделала то же самое в отношении духовных вопросов человечества? До сих пор люди судили о христианстве, о жизни Христа Иисуса лишь так, как это им было доступно. Духовная наука хочет расширить взгляд человека до космических духовных далей. К познанному до сих пор она добавляет то, что она может сказать о Христе, исходя из духоведения. Духовная наука познаёт в Христе Существо, Которое вечно, Существо, Которое только один раз вошло в человеческое тело и Которое отличается от остальных людей тем, что Оно не проходит через повторение земных жизней. Христос только один раз вошёл в человеческое тело и теперь соединён с душами людей.

Странную ошибку совершают те, кто борется с духовной наукой с точки зрения христианства. Пусть однажды спросят у духовной науки, борется ли она с тем, что можно найти внутри христианства! Она подтверждает всё, на чём зиждется христианство. Но к этому она добавляет и нечто другое. Запрещать это другое не значит настаивать на христианстве, но это значит настаивать на ограниченности христианства; это значит поступать так, как поступали те, кто о

Копернике, Галилее и о Джордано Бруно говорил то, что я уже приводил выше. Можно легко увидеть, какая логическая ошибка лежит в основе этих высказываний. Те, кто приходит и заявляет: «Ведь вы говорите о космическом Христе, живущем также и в далях Вселенной, поэтому вы гностик », совершают ошибку, аналогичную следующей. Допустим, что один человек задолжал мне 30 крон. Теперь он отдаёт мне деньги, но отдаёт 40 крон, потому что 10 крон он добавляет мне взаймы. Если я теперь скажу: «Он не выплатил мне долг, ведь он дал мне не 30, а 40 крон» – не глупую ли ошибку я совершаю?! Но если люди приходят и говорят защитникам духовной науки: «Вы говорите нам не только то, что говорим о Христе мы, но вы добавляете к этому ещё нечто», – то эти люди не замечают, какую чудовищную ошибку они совершают, потому что они высказываются исходя из своего пристрастия, а вовсе не объективно. Пусть они лучше скажут о том, имеют ли для них значение открытия духовной науки. И это уже будет зависеть от осознания ими своих потребностей. Можно было бы, конечно, отвергнуть так же и Коперника, Галилея и Джордано Бруно. Но нельзя утверждать, что духовная наука не может внести вклад в изучение христианства или что она враждебна ему.

И ещё необходимо сказать, если речь идёт об отношении духовной науки к христианству. Человечество изменяется, продвигаясь в отдельных человеческих жизнях от эпохи к эпохе. Наши человеческие души проходили через земные жизни в те эпохи, когда Христос ещё не был соединён с Землёй и они будут продолжать проходить через земные жизни, в которых Христос уже соединился с Землёй. Теперь Христос живёт в каждой человеческой душе. И если человеческая душа всё больше и больше углубляется, снова и снова проходя через земные жизни, то она становится всё более самостоятельной и всё более внутренне свободной. Поэтому она и нуждается всё в новых инструментах для понимания древних истин, она должна всё дальше продвигаться вперёд, исходя из этой внутренней свободы. Так что необходимо сказать: Именно потому, что духовная наука познаёт глубину, истину и значение христианства, она так уверенно возвещает эти древние христианские истины в новой форме. Пусть тот, кто не желает расставаться со своими предрассудками, полагает, что духовная наука наносит христианству вред. Тот кто внимательно вникнет в культуру современности, обнаружит, что именно те люди, которые не могли быть христианами по-старому, благодаря духовной науке смогли убедиться в истине христианства. Ибо то, что духовная наука в состоянии сказать о христианстве, она может сказать каждой душе, потому что Христос, о Котором говорит духовная наука, может быть найден в каждой человеческой душе. Но она может также сказать и то, что признаёт Христа Существом, однажды реально вступившим в человеческие души, в земной мир благодаря Мистерии Голгофы. Вера не должна страшиться знания, так как объекты веры, восходящие к духу, не должны страшиться света знания. И таким образом духовная наука завоюет для христианства те души, которые могут прийти к нему, только если к ним обратится не пророчествующий основоположник религии, а простой ученый, указывающий на то, что можно найти в

области духовной науки, и заставляющий звучать струны, существующие в каждой душе.

Духовным исследователем может стать каждый человек; пути для этого вы можете найти в вышеназванных книгах. Но даже тот, кто не является духовным исследователем, может проникнуться этой истиной, если он позволит истине непредвзято воздействовать на себя, иначе он не сможет освободиться от предубеждений. Все истины заложены в душе человека. Может быть, не каждый человек имеет возможность созерцать духовную истину как духовный исследователь, но если уж наше мышление выходит за рамки чувственного мира, то оно позволит нам понять и духовного исследователя, желающего обратить наше внимание на исследуемое им на его духовном пути. А он хочет обратить внимание только на то, что есть истины, которые могут прорасти в каждой душе, ибо они в каждой душе уже заложены.

В заключение я хотел бы сказать ещё о том, как духовная наука встраивается в культурную жизнь современности. Духовная наука действительно согласуется с естественнонаучным характером представления и мышления, и она желает проявить себя в современной культуре так же, как предстали перед своей эпохой церковный каноник Коперник, Галилей и Джордано Бруно. Представьте себе Джордано Бруно. Что он, собственно, сделал? Прежде чем он появился и высказал свои столь значительные для развития человечества слова люди уже заглянули во Вселенную. Они говорили о звёздной сфере на основе того, что видели. Они говорили о голубом небосводе, ограничивающем Вселенную. Коперник, Галилей, Джордано Бруно имели мужество разрушить чувственную иллюзию и создать новое мышление. Что же, по сути дела, Джордано Бруно сказал 11 своим слушателям? Он сказал: «Посмотрите на голубой небосвод, вы сами создаёте эту небесную твердь ограниченностью своего познания. Ваши глаза видят только до этой грани, и ваши глаза эту грань и создают!» Джордано Бруно расширил взгляд человека за пределы этой границы. Он осмелился указать на то, что вечные звёздные миры являются частью бесконечных космических далей.

Что должен делать духовный исследователь? Позвольте мне выразить это скромно, в соответствии с новым духовным развитием. Духовный исследователь должен указывать на временной небосвод, на границы человеческой жизни – рождение и смерть, он должен говорить: «Внешний взгляд видит в рождении и смерти некий временной небосвод вследствие ограниченности человеческого рассудка и возможности восприятия». Но, подобно Джордано Бруно, он должен указывать на то, что этого небосвода на самом деле нет, а воображают его только от ограниченности человеческого воззрения. Как Джордано Бруно указал за пределы предполагаемой ограниченности Космоса, на то, как бесконечные миры являются частью космических далей, так и духовный исследователь должен указывать на то, что за

несуществующей границей рождения и смерти таится бесконечность времени и что в него включена вечность человеческой души, вечное существо человека, переходящее от жизни к жизни. Тут духовная наука находится в полной гармонии с теми импульсами, которые принесли изменения в естественную науку.

Позвольте мне в этом городе ещё раз обратить внимание на то, что духовная наука хочет не основать религию, а более религиозно настроить душевную жизнь и что она как раз ведёт ко Христу как Сущности, стоящей в центре религиозной жизни. И тот, кто боится, что духовная наука может якобы разрушить религиозное сознание, тот подобен человеку, который подошел бы к Колумбу, когда тот отправлялся в Америку – позвольте использовать такое сравнение – и сказал бы: «Зачем тебе открывать Америку? Здесь, в нашей старой Европе, так прекрасно восходит Солнце; разве мы знаем, восходит ли Солнце в Америке, греет ли оно людей, освещает ли оно землю?» Но тому, кто вник в смысл физического земного бытия, известно, что Солнце светит во всех странах. И тот, кто боится за христианство, подобен человеку, пугающемуся открытия новой страны, потому что он думает, что, может быть, там не светит Солнце. Тот, кто действительно несёт в своей душе Христа-Солнце, тот знает, что хотя бы открывались ещё области, будь то области природы или духа, Америка духа никогда не будет открыта, если истинно религиозная жизнь не пожелает отдать себя средоточию земного бытия, Христу-Солнцу, и если Христос-Солнце не будет светить, освещая души, согревая и воспламеняя их. Только тот, чьё религиозное чувство и без того слабо, может бояться, что это религиозное чувство может ослабеть или умереть в новой ситуации. Но тот, кто крепок в своём подлинном чувстве переживания Христа, не испугается знания, не побоится что знание каким-то образом повредит вере.

Упованием на это живёт духовная наука. В уповании на это духовная наука обращается к культуре современности. Ибо она знает, что это истина и никакое исследование не может угрожать истинному религиозному мышлению и чувству, лишь слабая религиозность может чего-то бояться. Духовная наука знает, что чувству истины можно доверять. Пройдя через события, потрясающие душу, духовный исследователь знает, что живёт в глубинах человеческой души. В своих исследованиях он обретает веру в человеческую душу, он видит, что человеческая душа имеет теснейшее сродство с истиной. Поэтому, несмотря на то, что знамения современности выступают против духовной науки, он верит в её окончательную победу. И он уповает в этом на человеческую душу, проникнутую любовью к истине и подлинной религиозностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Анри Бергсон:(1859 1941);«Материя и память », 1896 г.

2 «Как достигнуть познания высших миров »(1904 1905, Библ.№13), русский перевод:Ереван, «НОЙ », 1992 г.

3 «Очерк тайноведения »(1910, Библ.№13), русский перевод:Ереван, «НОЙ », 1992 г.

4 «Порог духовного мира. Афористические рассуждения» (1913, Библ. №17), русский перевод:Ереван, «НОЙ », 1991 г.

5 Готтхольд Эфраим Лессинг:(1729 1781), Трактат «Воспитание человеческого рода », 1870 г.

6 Николай Коперник (1473 1543), Галилео Галилей (1546 1642), Джордано Бруно (1548 1600)

7 «Читал лекцию о Галилее »: Лауренц Мюльнер (1848 1911), «Значение Галилея для философии », инаугурационная речь, 8 ноября 1894 г.в Вене.

8 «Христианство как мистический факт »(1902 г., Библ.№8), русский перевод:Ереван, «НОЙ », 1991 г.

9 Высказывание отца Церкви Августина:Аврелий Августин, 354 430.«То, что в наше время на зывают христианской религией, возникло уже у древних, наличествовало в начале рода человеческого, и когда Христос явился во плоти, эта истинная, уже существовавшая прежде религия получила имя христианской».«Retractationes »I, XIII, 3, см.так же «De civitate dei »VIII, 9.

10 Платон оставил нам высказывание: В диалоге «Федон » Сократ говорит в беседе с Симмием:: «И быть может, те, кому мы обязаны учреждением таинств, были не так уж просты, но на самом деле ещё в древности приоткрыли в намёке, что сошедший в Аид непосвящённым будет лежать в грязи, а очистившийся и принявший посвящение, отойдя в Аид, поселится среди богов.Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, «много тирсоносцев, да мало вакхантов », и «вакханты »здесь, на мой взгляд, не кто иные, как только истинные философы. Одним из них старался стать и я -всю жизнь, всеми силами, ничего не упуская ».(69 cd;пер.С.Маркиша).

11 Джордано Бруно сказал ...:см.диалоги «О бесконечной Вселенной и мирах» в собрании сочинений Джордано Бруно (т.3, Йена, 1904, изд.Л.Куленбек).

Доп. Примечания:

* Вследствие этого возникают различные теории анимизма и антропоморфизма, наделяющие внешний мир психическими свойствами, свойственными данному человеку.

** Немецкое Hingabe означает "заинтересованность, преданность, самоотдача". В более общем смысле оно означает способность целиком отдаться чему-либо, будь то слушание музыки или религиозное служение. В английском переводе используется слово devotion, которое можно перевести как "благоговение, почитание, преданность". Сравните также следующий отрывок из книги "Порог духовного мира":

"Душа имеет естественное доверие к мышлению. Она чувствует, что должна была бы утратить в жизни всякую уверенность, если бы не могла иметь этого доверия (...)

Умение предаваться жизни мысли имеет в себе нечто глубоко успокоительное. Душа чувствует, что в этой жизни она может освободиться от самой себя. Но это чувство так же необходимо душе, как и противоположное -- чувство возможности быть всецело в самой себе. (...)Жизнь в мыслях есть освобождение души от самой себя, подобно тому, как чувствование, ощущение, жизнь аффектов и т.д. суть пребывание ее в самой себе.

Рассматриваемое таким образом мышление дает душе утешение необходимое ей, как противовес чувству покинутости миром. Можно правомерно прийти к ощущению: что я такое в потоке общего мирового свершения, бегущем от бесконечности, что я такое в нем с моим чувствованием, с моим желанием и волением, имеющими значение ведь только для одного меня? Как только человек верно прочувствует жизнь в мыслях, он этому ощущению противопоставит другое: мышление, имеющее дело с этим мировым свершением, принимает в свое лоно и тебя с твоей душой; ты живешь в этом свершении, когда, мысля, даешь существу его изливаться в тебя. Тогда можно почувствовать себя принятым в мир, оправданным в нем. Из этого настроения душа почерпает для себя затем укрепление, ощущаемое ею так, как если бы оно притекало к ней по мудрым законам от самих мировых властей."(из книги "Порог духовного

мира")

Интересно, что в стихе из "Календаря Души", следующем за рождественским, также появляется эта тема отдачи себя и обретения себя:

"Предаваясь откровенью духа,
Я озаряюсь светом мирозданья.
Мысль набирает силу, проясняясь,
Чтобы я мог опять к себе вернуться,
И мне приносит в дар из царства мысли
Вновь пробужденное сознание себя."
(39 неделя)